

**БУЛАВИНЦОВ В. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
и ВИНАВЕРУ М. Л.**

БУЛАВИНЦОВ Владимир Иванович, родился в 1875 в Санкт-Петербурге. В 1897 — окончил юридический факультет Петербургского университета, до революции служил присяжным поверенным и присяжным стряпчим, к 1917 — имел чин коллежского асессора; защищал на процессах политических заключенных. После революции работал юрисконсультантом в учреждениях Ленинграда. Женат на Евгении Иосифовне Булавиной. 27 января 1927 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и в июле был отправлен в Иркутск¹.

БУЛАВИНЦОВА Евгения Иосифовна, родилась в 1880-х. Получила среднее образование. Вышла замуж за Владимира Ивановича Булавиного. 6 января 1927 — арестована и заключена в тюрьму; позднее освобождена и отправлена в психбольницу. После выхода из больницы вновь арестована и приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь; с ухудшением состояния переведена в психбольницу².

В октябре 1927 — Владимир Иванович Булавинов обратился за помощью в Помполит, к Екатерине Павловне Пешковой и Михаилу Львовичу Винаверу.

«Послано 24/Х-27 г<ода>».

Копия

В ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ПОЛИТССЫЛЬНЫМ
г<ород> МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 24
Е. П. ПЕШКОВОЙ и М. Л. ВИНАВЕРУ

Адм<инистративно> высланного
магистра прав В. И. БУЛАВИНЦОВА.
Иркутск, 5-я Армейская, № 30, кв. 1

З А Я В Л Е Н И Е

В дополнение к посланному заявлению сообщаю, что 11 окт<ября> я выпущен из Ирк<утского> Изолятора с оставлением в Иркутске. Сейчас, когда приближается амнистия, конечно, налицо все основания просить пересмотра и о возвращении моем в Ленинград, если бы не особые условия, ниже мною приведенные и лежащие в подоплеке дела. В них вся суть. Я никогда не лгал и лгать не могу. За все время следствия не только не предъявлялось никакого конкретного обвинения, но даже к<акие>-л<ибо> компрометирующего меня положения, и лишь из приговора я узнал о инкриминировании мне 5 п<ункта> ст<атьи> 58 УК, т<о> е<сть> участия в организации межд<ународной> буржуазии.

Но с таким же успехом ко мне м<ожет> б<ыть> предъявлена любая иная ст<атья> УК'а.

Всякая организация прежде всего требует круга лиц, но кто же эти лица. Выходит, что вся организация — это я и моя душевнобольная жена, ибо ни про каких иных лиц следователь не упоминал, да их и не существует. Если допустить предположение о существовании к<акой>-л<ибо> организации за границей или здесь, то чем же подтверждены мои связи с ней, нет ни переписки, ни встреч, ни знакомств. Чем же реально выявилось мое активное содействие, в каких поступках, словах или последствиях? Я, старый юрист с 30-и летним стажем, наконец, ученый,

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 166. С. 289-305; Д. 167. С. 49-54.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 271. С. 77-78; Д. 287. С. 363.

защищая ранее полит<ических>, я часто возмущался неосновательным обвинениям, но такого дела, как мое, не было.

Все же были хоть косвенные улики, дававшие пищу жандармской подозрительности и канву для пристрастного обвинения, а в моем деле нет улики, ни прямой, ни косвенной. Если летом в 1925 г<оду> я был за границей в Карлсбаде, то причина моей поездки более чем уважительна. Установлено мед<ицинское> свид<етельство> проф<ессоров>-психиатров, что жена моя, Евгения Булавинцова, заболела острым помешательством, что Конт<рольная> Комиссия Губздрава назначила ей лечение радио-ваннами в Карлсбаде, и что я вынужден был ее сопровождать. Что жена моя душевнобольная вообще теперь, надеюсь, доказано ужасным способом; после ареста в Ленинг<радском> ДЭП она снова помешалась буйной острой аменцией, с ап<реля> по октябрь находилась в Диагн<остическом> Институте, а сейчас в б<ывшей> больнице Николая Чудотворца. Итак, при поездке в Карлсбад я не мог ни минуту покинуть больной жены, понятно, я встречался с врачами, отельной прислугой, продавцами, но где же тут организация. Пусть назовут хоть одно имя рус<ского> эмигранта или представителя межд<ународных> буржуазий, с кем бы я имел сношение в пред<ставлении> Сов<етской> власти. Наконец, с нами безотлучно находился брат композитора М. К. Глазунов, наш жилец, он был арестован (но вскоре выпущен). Где же логика? Я жил с ним в одной комнате, не разлучался ни дома, ни на улице, а в результате он не виноват, а я преступник.

По возвращению из заграницы прошло более года, и нет ни одного письма лично мне или жене от к<ого>-л<ибо> из враждебных Сов<етской> власти лиц.

Во избежание упрека скрытности признаю, что последние три года я в качестве юриста вел деловую переписку с жив<ущим> в Праге адвокатом др. Свобода по делу гр<ажданки> Терликовой о выдаче ей вклада, увезенного в 1918 г<оду> из ссудной кассы Казны. Дело велось с разрешения Комюста и Наркомдела, вся переписка мною следователю предъявлена, и он заявил мне, что в ней нет ничего запретного. Кроме чисто деловой переписки в др. Свободы за все время революции ни я, ни жена моя из заграницы ни одного письма не получали и не посылали. Итак, нет никакого состава преступления, но я, как юрист, понимаю, что есть причина ареста, ведь надо же объяснить гибель двух людей.

Fecit, cui prodest. Причина в том, что в 1911 г<оду>, не меняя адреса, я сохранил в Ленинграде по Моховой ул<ице> в доме № 11 большую квартиру и хорошую обстановку. Она была единственным моим имуществом, и заботами жены поддерживалась в образцовом порядке. Мы жили очень скромно, занимая две комнаты, три сдавали жильцам, а две больших, кабинет и гостиная, стояли пустыми. В ноябре 1926 г<ода> вышел закон о жил<ищной> норме, и эти комнаты пришлось сдавать. Жена по публикации сдала их 5-го декабря некоему, именованному себя Львовым, <к> которому якобы из Москвы приехала жена Лариса. Жена моя добрая и отзывчивая, и Лариса быстро вкралась в ее доверие, предложив ей следить за чистотой квартиры. Это дало ей возможность переписать все вещи, белье и платья, в чем я убедился после их отъезда, найдя в печке их комнаты обрывки блокнота с перечнем моего имущества. 6-го января 1927 г<ода> в ночь именин жены к нам явился отряд ГПУ с обыском, и арестовал жену, Глазунова и трех гостей, скоро выпущенных. На другое утро после ареста Львов заявил <о> своем внезапном отъезде, якобы, в Москву и вечером с женой уехал на вокзал НКЖ, а два дня спустя, когда я подавал в ОГПУ заявление о свидании с женой, встретил Львова в здании ГПУ, что сразу возбудило предположение о том, что он

сам и его мнимая жена состоят сотрудниками ГПУ, и что арест моей жены <это> прямой результат его доноса. Но, зная каждый день своей жизни, я был твердо уверен, что недоразумение скоро разъяснится, и подал даже записку в ГПУ в надежде, что жена будет отпущена. Но 27 января я получил повестку и тяжело больной был арестован сам, 5 месяцев просил предъявить обвинение, допросить, но тщетно, кроме первоначального опроса не добился ничего, а в июле был выслан. Во время следствия имущество мое было опечатано. Так как обстановка мною приобретена еще до войны, ни спекуляцией, ни торговлей я не занимался, то конфисковать его было нельзя, и вот появляется ст<атья> 58 п<ункт> 5, допускавшая возможность конфискации. Мне не известна мотивировка заключения, но, по-видимому, в нем было подчеркнуто, что я владелец каких-то сокровищ, ибо в приговоре указано о частичной конфискации имущества в смысле изъятии музейных вещей. Каковых у меня вовсе нет, и я полагал, что для отбора должна явиться комиссия экспертов из Главнауки, а если бы таковые нашлись, то я бы не возражал против передачи их в музей. Несмотря на ясное и определенное постановление ВЦИК о границах конфискации, имущество мое полностью остается под арестом. Губ<ернский> прокурор, <к> которому по моей доверенности обращалась жена брата и др<угие>, снова подтвердил, что конфискации нет, что все будет освобождено, кроме музейных предмет<ов>, если таковые окажутся, а сотрудники ГПУ, посещ<авшие> мою квартиру, почему-то настаивают, что конфискации будет полная. Очевидно, рано или поздно так и будет, все полностью без описи, гуртом будет вывезено без объявления мне доп<олнительного> постановления, как оно будет распределено, в какие руки попадет, мне проследить трудно, но по совокупности всех данных дела полагаю, что Львов и его соучастники осторожно и скрытно проводят свой план под видом конфискации не существующих муз<ейных> ценностей захватить все белье, платье, книги и много хорошей мебели, общей суммой тысяч на 10.

Я болен параличом, работать мне трудно, жена психически больна, нуждается в особом уходе, и последние остатки нашего имущества являются единственным источником существования, и без него нас ждет нищета.

Неужели же допустимо подобное положение, чтобы явно невинные и честные граждане гибли жертвой какого-либо гнусного доноса из низменных побуждений. Неужели нет способа бороться, найти себе защиту и вскрыть подоплеку дела. А дальше проводится план с неумолимой последовательностью, я, тяжело больной, выслан за тысячу верст, но жена остается в Ленинграде остро помешанной в Диагн<остическом> Институте; но вот случилось чудо, после 5 месяцев беспросветной тьмы наступает просветление, временами жена приходит в себя, и тогда ей объявляют приговор о ссылке, который насильно заставляют подписать. Это вызывает новый длительный припадок и, наконец, врачебная комиссия Губздрава под председательством проф<ессора> Остонова дважды признает жену мою душевнобольной, склонной к повторным припадкам, и находя единственным для ее полного выздоровления, полное освобождение для домашнего лечения под наблюдением врача. Брат мой доктор подает заявление о принятии ее под свое попечение. Из единственного, случайно дошедшего до меня письма жены я вижу, как она мучается мыслью обо мне и доме, как рвется на волю, чтобы успокоиться и отдохнуть душой после пережитого ужаса. Но выпустить ее, это значит разрушить весь план, и вот, в ответ на предложение брата, 1-го октября ее переводят в сумасшедший дом, б<ывшую> больницу Николая Чудотворца. Если здорового держать среди сумасшедших, он сойдет с ума, то что же сказать про нравственно

измученную, безвинно истомленную тюрьмой женщину, оторванную от всего родного и склонную к припадкам. Ясно, что она заживо погребена и осуждена на муки полного безумия, воскресшее сознание и стремление к воле, к жизни с каждым днем будет гаснуть, и вечный мрак охватит ее маленький мозг. Она не выйдет, и никому не будет жаловаться и разоблачать.

С 22-х лет я сделался членом свободного сословия, всю жизнь боролся за свободу и справедливость, никогда не отказывал в полит<ической> защите и теперь обращаюсь к Вам с просьбой о помощи, ибо и Вы много выстрадали от ужаса ссылки. Я уже стар, измучен, энергия сломана, пусть я погибну, но спасите мою жену, она еще молода, она хочет жить, спасите для нее остатки имущества, ибо она больна, она долго не в состоянии работать. Вы имеете доступ к Верх<овному> Прокурору, укажите ему мое дело (№ 45061), мое заявление, пусть меня расстреляют, если при пересмотре или новом следствии обнаружат хоть одну улику моей связи с к<акой>-л<ибо> организацией. Я патриот, остался жить в России, не бежал, готов работать для родины, верю в ее будущее и не хочу, и не могу жить с клеймом предателя, меня нужно или уничтожить, или освободить совсем, но нельзя же мучить тяжело больного <с> параличом сердца, нельзя заставлять умирать от голода, лишая возможности применить мой опыт и познания по специальности, жить вдали от близкого, родного и бессильно чувствовать каждую минуту, что далеко <и> беспомощно бьется жизнь в сердце моей жены, и она обречена на муки безумия. Прошу Вас уведомить меня, получили ли Вы мое заявление и могу ли я рассчитывать на Вашу помощь.

Мой адрес пока: Иркутск, 5-я Армейская, дом № 30, кв. 1. Главпочта до востребования.

Верно. В. Булавинцов»³.

Благодаря ходатайствам заведующего юридическим отделом Помполита Владимиру Ивановичу Булавинцову ссылка была заменена на ограничение проживания на оставшийся срок (-6). В декабре 1927 — он вновь обратился за помощью к Михаилу Львовичу Винаверу.

<21 декабря 1927>

«В ОБЩЕСТВО ПОМОЩИ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ
Москва, Кузнецкий мост № 24

Многоуважаемый Михаил Львович.

Не мог отвечать на Ваше письмо и переслать прошение на имя ГПУ, потому, что сильно заболел после получения телеграммы, что моя несчастная душевнобольная жена, немного оправившаяся после 8-ми мес<яцев> заключения в домах умалишенных, снова отправлена в Д<ом> П<редварительного> З<аключения>, где снова заболела буйной аменцией. И это после двухкратного заключения Губ<ернской> врач<ебной> комиссии о необходимости отменить ссылку и отдать ее на попечение родным.

Ведь это такое мучительство, что слов нет выразить, ее больную, измученную до последнего нерва намерены послать в Сибирь. Пусть лучше ее расстреляют и меня тоже, мы невинны, жестоко страдаем только за то, что нашлись люди, желающие получить нашу квартиру, иначе чем же объяснить игру, которая происходит возле нашего домашнего имущества, несмотря на постановление ВЦИК. Неужели же нет способа

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 289. С. 276-277. Машинопись, подпись и дата — автограф.

добиться расследования и пролить свет на это вопиющее дело. Вы сообщили мне о пересмотре и минус 6, но это мне безразлично, ибо всякий иной город так же для меня чужд, как и Иркутск.

К сожалению, я родился и всю жизнь прожил в Ленинграде, и мне нужен плюс 1, а не минус 6. Там только я могу лечиться и жить на попечении брата доктора.

Прилагаю к сему заявление на имя ГПУ, прошу Вас вручить его по принадлежности и, если возможно, обратить на него внимание, все, что в нем изложено, сушая правда.

Я, как ДИОГЕН, с фонарем и тщетно ищу человека и, быть может, при Вашем содействии найду его.

Примите уверение в моей бесконечной признательности.

В. Булавинцов.

Иркутск 21/XII-27 г<ода>.

5-ая Красноармейская, № 30, кв. 1.

Извиняюсь за безграмотность переписчика, но сам писать много не могу. В. Б.»⁴.

На письме — рукой Екатерины Павловны Пешковой:

«Переслать в прокуратуру и возбуд<ить> ход<атайство> пред КРО. Е. П. 31/XII».

5 марта 1928 — Владимир Иванович Булавинцов скончался в ссылке.

В апреле 1928 — Евгения Иосифовна Булавинцова, благодаря ходатайству заведующего юридическим отделом Помполита, была освобождена из больницы; находилась в Старой Руссе; с 5 марта 1928 — вдова.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 289. С. 278. Машинопись, подпись — автограф.